

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 21 февраля 2018 г.**

Текст: Л. Джуссани. Зачем Церковь. С. 197–203.

- *As simple as this*
- *Noi non sappiamo chi era*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Мы спели: «Я разыскивал, раскапывал, пробовал, путешествовал, но нашел лишь разочарование. А ответ – как же я мог не заметить – был так прост, был так прост». Прост, как то, что случилось с Петром, с Димой, с Павлом. Отец Джуссани в «Религиозном чувстве» говорит об истине как о чем-то, что человек открывает для себя, если он внимателен. Все так просто! Мы, принадлежа к определенному месту, к Церкви, можем найти то, что ищем. Но, «чтобы понять христианское событие, – говорится в тексте, над которым мы работали в этот период, – нужно постоянно оглядываться на саму жизнь» (С. 199). Только в жизни христианское событие предстает перед нашими глазами во всей своей значимости. Когда мы рассматриваем его в связи с жизнью, страницы этой главы, которые поначалу были для нас лишь абстрактным набором слов, обретают неведомую ранее ценность и то, что казалось отвлеченным, становится важным для жизни. Об этом написал мне один человек, который не смог приехать сегодня, поскольку живет далеко. «День начался с того, что я заметил, как забыл о близкой подруге, попросившей о помощи». Забывчивость подтолкнула его к действию: «Я очень огорчился и благодаря этому отчетливей, чем когда-либо, ощутил необходимость перечитать текст последней школы общины, на которой было сказано, что, “только пребывая в определенном месте, мы узнаем истину о самих себе... тот невыразимый всеохватный трепет, благодаря которому я становлюсь самим собой”». Когда человек приходит к такому сознанию, «у него есть два пути: сбежать, думая, будто это лишь глупости, либо следовать» за тем, что он встретил. «Я признаю второй вариант как то, чего хочу для себя: я желаю следовать за событием, перевернувшем меня». Почему? «Потому что только это способно вновь привести меня в движение. Школа общины – инструмент, с точностью напоминающий мне, в каком направлении идти, напоминающий о лицах, без которых не было бы смысла говорить о “Теле Христовом”, напоминающий мне о том, кто я. Так обычное учительство становится частью жизни, “верностью жизни церковной общины” и приучает меня признавать Христа и, следовательно, быть внимательным». Ты начинаешь замечать, что с тобой происходит, и вновь приходишь в движение. В таком случае даже догматы перестают быть чем-то абстрактным и становятся «инструментом, с помощью которого Христос достигает даже последнего человека на земле», даже меня со всеми моими недостатками, чтобы вновь побудить к действию. Только когда человек понимает, насколько полезно для него происходящее в христианской общине, он начинает сознавать и ее ценность, которая иначе осталась бы чем-то абстрактным, малоинтересным и не имеющим отношения к жизни. Кто-то из вас уже не считает пункты про обычное и особое учительство абстрактными, верно?

Недавно на нашей школе общины был поставлен интересный и драматичный вопрос об авторитете. В разговоре с некоторыми друзьями выяснилось, что эта глава их раздражает, что она бесполезна в их личном поиске Бога. Более того, Церковь как авторитет и иерархия (бюрократия, законы, Ватикан) пагубна и препятствует встрече со Христом. Глава, которую мы читали, казалась тем людям памятником Церкви, облеченной властью и ничего общего не имеющей со Христом и Его благой вестью. Мы решили попросить тебя о помощи в этом вопросе.

Отвечать на этот чудесный вопрос я начну с чтения письма одной женщины, которое свидетельствует о том, что встреча с христианской общиной не только не мешает искать Бога, но и подталкивает на путь свободного поиска. «Дорогой Хулиан! Мне пятьдесят восемь лет, и я знакома с Движением с 1978 года. В старших классах все мои лучшие друзья были из Движения, я проводила много времени с ними, обращалась к ним по разным жизненным вопросам, однако отвергала при этом структуру, правила и гордилась моей независимостью. Священник из Движения знал меня и всегда здоровался со мной, искренне улыбаясь и ни на что не претендуя. Мне доставляло радость все то доброе, что я получала в Движении, но я всегда держалась в стороне, не желая для себя никаких ярлыков или обязательств. В университетские годы я потеряла из виду школьных друзей, но позднее мы вновь встретились с ними, в том числе с одним из моих бывших одноклассников, который стал моим мужем. Он тоже был из Движения, но я решила, что это его личная история, и входить в нее не хотела. Иногда в девяностые годы я участвовала в школе общины, но всегда возвращалась после нее разочарованной и удрученной, поскольку всякий раз во многих людях я видела стремление утверждать собственное превосходство по отношению к другим, возвышение самих себя, которое меня всегда раздражало. В юности я познакомилась и с другими церковными объединениями и никогда не думала, будто Движение – лучший путь для всех и каждого. За двадцать восемь лет семейной жизни я постепенно начала общаться с друзьями моего мужа, которые оказывали мне конкретную помощь. Они никогда не пытались обратить меня, а просто предлагали свою дружбу. Я же охотно распахнула двери моего дома для их встреч, соглашалась проводить каникулы вместе с ними, потихоньку подключалась к различным инициативам, но притом, как и вначале, подсознательно старалась защититься от каких-либо ярлыков, от каких-либо “определений”, от всего, что так или иначе могло бы навредить встрече с другими моими друзьями, с коллегами, которых я никогда не считала менее хорошими или менее достойными, чем люди из Движения. На протяжении многих лет я сохраняла убеждение, что другой – любой другой – является благом, тайной, даром для моей жизни. Однако эта открытость навстречу другим, которую я всегда считала моей сильной стороной, сейчас превратилась в призыв ко мне самой. Что удерживало меня от вступления в Братство? По сути, не лишнее притензий мнение, будто я лучше многих других, гордыня и ложное чувство большей свободы и независимости. Но по факту сегодня я ищу компании именно этих друзей, ищу твои тексты, слушаю и пою ваши песни, участвую в инициативах, которые вы предлагаете, читаю книги, которые вы советуете, и... избегаю говорить “да”. Да, я признаюсь: мне тоже нужно место, помогающее мне расти, мне тоже необходимо сдать перед встреченным благом, позволить вести себя, довериться обещанию, что я получу во сто крат. Во сто крат я получаю не когда защищаюсь в страхе, что кто-то потребует чего-то от моей жизни. Я хочу научиться верить в себя, поскольку Христос проявил в отношении со мной бесконечное терпение. Как, наверное, Он смеялся над всеми моими попытками “войти” и побегам... Я отдалялась от Него, но Он знал, как вновь покорить меня. Я прошу о вступлении в Братство. Конечно, мне не все еще ясно, но я больше не хочу уворачиваться от полученного блага и сдаюсь перед тем, что уже видела».

Эта женщина воспользовалась всей потребовавшейся ей свободой (никто ее не заставлял). Так она проделала путь, который постепенно позволил ей ощутить как необходимое для жизни то, что ранее она отвергала. Наши трудности с догматами и авторитетом, превращающимися для нас в препятствие, описаны и в тексте школы общины. Те, кто воспринимает догмат как некий диктат, препятствующий пути разума и свободы, не уловили суть метода, согласно которому Церковь решает провозгласить догмат, видя в нем «окончательную формулировку в осознании истины, хранилищем которой она выступает» (С. 199). Тут Джуссани приводит пример, помогающий нам понять, как именно Церковь приходит к таким решениям. Он говорит: «Это похоже на общий для всех нас жизненный опыт. Когда всем нам было по пять-десять лет, у нас было собственное отношение к жизни в соответствии с определенными обстоятельствами нашего существования, уже тогда отражавшими нашу личность; однако, пока мы выросли, эти

представления, оставаясь в пределах цельного выражения нашей личности, претерпевали некоторые изменения. То же верно и для истории Церкви» (*Там же*). Мы достигаем уверенности относительно чего-либо постепенно, благодаря осознанию вещей, которые раньше не были нами усвоены. Точно так же происходит и в истории Церкви. Если мы отрицаем такую возможность для истории Церкви, то нам следует отрицать и наш собственный опыт. Вот почему, чтобы разобраться с трудными для нас вопросами из истории Церкви, нужно обратиться к нашему жизненному опыту. «С течением времени, при столкновении с обстоятельствами и вызовами жизни, Церковь обретает все большее самосознание [и лучше понимает то, что прежде было неясным] (Ср. С. 200). Это не противоречит разуму или свободе, тут нет никакого диктата. Человек, постепенно достигая такой ясности, все больше желает найти то, что поможет ему в жизни. И поскольку Церковь есть жизнь, только участие в этой жизни позволит достичь какой-либо ясности в отношении того, что она провозглашает. Именно это случилось с нашей подругой, написавшей мне.

Тут мы подходим к еще более радикальному вопросу, к возражению, высказанному Ницше, согласно которому вера, то есть принятие того, что предлагает нам Церковь, противостоит поиску. Вопрос этот рассмотрен в энциклике *Lumen Fidei*, написанной в четыре руки папой Бенедиктом и папой Франциском. В ней говорится следующее: «Беседуя о свете веры, мы слышим возражение многих наших современников. В эпоху нового времени стали считать, что этого света было достаточно для античных обществ, но в современном мире он бесполезен для повзрослевшего человека, гордящегося разумом и желающего по-новому исследовать будущее. В этом смысле веру сочли иллюзорным светом, препятствующим человеку [вот в чем проблема!] культивировать идею смелого познания. [Отсюда и слоган Просвещения: «*Sapere aude*» – «Дерзай знать», имей мужество пользоваться умом.] Молодой Ницше призывал свою сестру Элизабет «отважиться на новые пути, <...> в неопределенности самостоятельного продвижения вперед». И добавлял: “Здесь расходятся пути человечества: если ты желаешь обрести мир в душе и счастье — верь; если желаешь быть учеником истины — исследуй [ищи]”. [Далее папа комментирует эту фразу Ницше.] Вера, якобы, противится поиску. Исходя из этого, Ницше будет критиковать христианство за то, что оно умалило значение человеческого бытия, лишив жизнь новизны и приключения. То есть вера как иллюзия света, затрудняющая нам, свободным людям, путь в будущее. В этом процессе вера, в конце концов, ассоциировалась с темнотой. Считали, что веру можно сохранить, найти для нее пространство, если вера будет сосуществовать со светом разума. Пространство для веры открывалось в том, что разум не мог просветить, в том, в чем человек более не мог быть уверен. Поэтому веру воспринимали как прыжок в пустоту, который мы совершаем из-за нехватки света...; или как субъективный свет, возможно, способный согреть сердце, принести частное утешение, но который невозможно предложить другим как объективный и общий свет, освещающий путь. Однако мало-помалу становилось очевидным, что свет независимого разума не способен в достаточной мере осветить будущее; в итоге грядущее остается во мраке и внушает человеку страх перед неизвестностью. Итак, [парадоксальным образом] человек отказался от поиска [подтвердилось обратное: не вера препятствует поиску, а ее отсутствие тормозит его] великого света, великой истины, удовольствовавшись слабыми лучами, освещающими краткий миг, но неспособными открыть путь. Когда не хватает света, все оказывается неясным, невозможно отличить добро от зла, путь, ведущий к цели, от пути, заставляющего нас все время бесцельно кружить» (Энциклика *Lumen Fidei*, 2–3).

Только тот, кто уже что-то нашел, может, подобно святому Павлу, сказать: «Не почитаю себя достигшим; а только, забывая прошедшее и простираясь вперед, стремлюсь к цели», к тому, что встретил (*Флп.* 3, 13–14).

Итак, сегодня мы должны проверить, помогает ли наша принадлежность к Церкви и работа на школе общины идти вперед или же заграждает нам путь. Разберемся на примерах конкретных обстоятельств.

Читая школу общины, я заметила, как совершила маленький шаг в сознании. Правда, что в Церкви и, я сказала бы (хотя и не знаю, правильно ли это), в Движении не все является догматом и что провозглашение догмата является педагогической функцией Церкви, ее воспитательной задачей, оно всегда связано необходимостью приучать человека идти ко Христу, которую Церковь считает своей миссией. В последние дни, очень насыщенные и полные разнообразных вызовов, я начала спрашивать себя, есть ли в тексте об обычном и особом учительстве подсказки, способные помочь мне в жизни, однако у меня оставалось последнее глубинное предубеждение, и мне казалось, что даже если такие подсказки и существуют, то они в конце концов несколько абстрактны и настоящие критерии, в свете которых нужно смотреть на жизнь, следует искать где-то еще! Как, например, текст связан с тайной жизни одного моего пятнадцатилетнего ученика, чья жизнь в прошлую пятницу после двух лет болезни пришла к свершению – абсолютно не так, как мы все надеялись? Или какое отношение пункт об особом учительстве имеет к предстоящим выборам? Меня поразили два момента, на которые ты обратил наше внимание. Во-первых, на диаконии ты сказал: «От нашей принадлежности к Церкви, от “погруженности” в “обычное” учительство возникает все то, что мы видим (что я вижу: диалог, совместная работа, направленная на понимание происходящего, друзья, не бегущие от вопросов и пытающиеся по-настоящему разобраться в том, что такое общее благо), и в результате развивается наше “я” и “я” других людей, рождается новое творение». Во-вторых, в интервью после аудиенции с папой тебя спросили, какова, на твой взгляд, новизна учительства Франциска, и ты ответил: «Благодаря ему мы отдаем себе отчет в происходящей перемене эпохи, бросающей вызов всем нам, видим конкретные действия Церкви, представляющей сегодня перед миром и перед вызовами, которые касаются всех и каждого». В одно мгновение эти твои замечания вернули меня к работе над школой общины и позволили мне обнаружить общий знаменатель, устраняющий любую абстрактность, – опыт Церкви, описанный тобой так же, как о нем говорится и в книге: «Церковь – и как легко об этом забыть! – есть жизнь. Жизнь Кого-то конкретного, тайна личности Христа, разворачивающаяся во времени внутри живого организма Его народа. Итак, Церковь – это жизнь, со временем все яснее осознающая себя» (С. 200). Благодаря твоим словам в моей памяти тут же возникло все то, что я наблюдала в последние недели, но не осознавала. Я больше не могла оторвать смерть моего ученика от того, какой увидела его маму. У нее умирал сын, а она поддерживала врача атеиста, признавшегося, что по-человечески завидовал, глядя, как эта женщина переживала столь серьезное испытание, которое для него с медицинской точки зрения было лишь поражением. Вот ее слова: «Для нас его смерть не поражение. Мой сын в Раю, и мы переживаем все таким образом благодаря истории, частью которой являемся». Другими словами: мы – плод жизни, возвращенной в Церкви! Еще один результат описанной педагогической функции я заметила в следующем. Когда мы говорим: «Вот окончательная определенность!» – например, в связи с выборами, так это не потому, что все концы для нас сходятся, и не от уверенности в той или иной стратегии. Причина в том, что, будучи «погруженными в жизнь Церкви», как ты напомнил нам, «с течением времени, при столкновении с обстоятельствами и вызовами жизни, мы обретаем все большее самосознание... в уверенности, которую дает следование за авторитетом!» (Ср. С. 200). Это и есть окончательная определенность! С какой благодарностью я вдруг замечаю, что в послушании обращаюсь к твоему авторитету и смотрю на друзей, которые позволяют тебе каждый день бросать им вызов. Все это неоценимым образом помогает мне открывать истину о себе самой в обычных событиях и вещах.

Как мы видим, каждый совершает проверку в реальности, не путем размышлений, а перед лицом конкретных вызовов: когда в юном возрасте умирает ученик, когда приближаются выборы. В этих обстоятельствах человек видит, избавляет ли принадлежность к христианской общине от

необходимости идти вперед или же наоборот подталкивает его к поиску, ведущему к большему пониманию. Тот, кто ничего не видит, останавливается перед мраком смерти. Если же мы причастны к определенному месту, распахивающему перед нашим разумом новые горизонты, мы не просто обретаем сентиментальное утешение, а начинаем понимать важность того, что Церковь нам говорит. Так для нас проясняется важность того, о чем мы читаем, значение догмата – например, догмата об Успении, бросающего вызов нашему разуму и утверждающему, что ценность жизни не в достигнутом успехе, не в том, что нам кажется таковым, ценность жизни в том, что для нас уготована победа, уже явленная нам в Богородице. И поэтому мы можем смотреть на умирающего ученика так, как смотрит на него его мама. При этом наш разум не пылится в дальнем углу: мы можем смотреть на подобные события вполне сознательно. И тогда все становится вызовом, подталкивающим нас к поиску. Сейчас мы увидим как это происходит в других обстоятельствах, о которых уже говорилось, – в связи с выборами. Чтобы понять важность того, что мы переживаем, посмотрим вокруг: повсюду господствует неуверенность, и мы тоже от нее не застрахованы. Связана ли эта неуверенность с нашей принадлежностью к Церкви?

Просто невероятно – каким был этот последний период!

«Просто невероятно!»

Уже твое предложение совершать определенную работу, занимаясь делами милосердия, застало меня врасплох, а в этот раз ты и вовсе выбил меня из колеи! Как можно проверить веру при подготовке к выборам?

Это вам не жизнь в гиперурации, как думают некоторые!

Никогда я не относилась к выборам так серьезно, как в этом году. Я начала изучать тексты, на которые указало Движение, чтобы лучше понять ситуацию, чтобы больше узнать.

То есть ты начала разбираться в ситуации или уже все знала заранее? Необходимо проверять все возможные возникающие у нас возражения в конкретном опыте. Вера не побудила тебя остановиться на уже известном, а привела в движение твой разум, оживив тебе желание понять.

Кто бы мог подумать, что все это станет для меня исключительной возможностью?!

Прекрасно! «Кто бы мог подумать?»

Самым замечательным было видеть, как множество людей вокруг меня взялись за работу, за серьезную работу, опирающуюся на личный опыт (в отношении с детьми или в различных ситуациях на работе) и на постоянное сравнение. Короче говоря, твое предложение всех нас всколыхнуло (меня в первую очередь), хотя всегда в подобных случаях мы дождалась не могли, когда же выборы наконец пройдут, и надеялись только, что какой-нибудь друг примет решение раньше нас, чтобы мы могли последовать его примеру. Мои личные действия, на которые побудил меня брошенный тобой вызов, позволили мне наблюдать, как рождается мое новое «я», полное желание быть на первых ролях здесь и сейчас. Мы все пришли в движение, благодаря чему в рамках работы на школе общины у нас возникло желание встречаться с другим людьми, чтобы обсуждать выборы (и это было именно потребностью, а не одной из обычных инициатив сверху), чтобы проверять, какой путь проходит наш народ, чтобы осознавать, как мы идем по нему, пребывая в этом месте, в Церкви, неотрывно

связанной с историей – всеобщей и нашей личной. Благодарю тебя за то, что ты позволил мне совершить такой неожиданный шаг вперед.

В случае с выборами становится ясно, продолжает ли человек, встретивший что-либо важное для своей жизни, искать или же, подобно многим, уже оставил поиск. Во втором случае побеждает неуверенность. Именно в виду этой неуверенности мы должны проверять нашу веру. Об этом нам напомнил и кардинал Бассетти: «Как епископы мы присоединяемся прежде всего к призыву главы государства переступить через любые мотивы, порождающие неуверенность и нерасположенность, [вот к чему приглашает нас Церковь: не поддаваться первой же реакции, как нередко случается] чтобы участвовать в голосовании с чувством ответственности по отношению к нации». Церковь как историческая и социальная действительность зовет нас на поиски ради «достижения реального сотрудничества в служении общему благу» (*Вступительное слово на заседании постоянного совета Конференции епископов Италии, 22 января 2018 г.*). Первая помощь Церкви нам – в том, что она побуждает нас к действию (хотя раньше мы не могли дождаться, когда выборы останутся, наконец, позади). Не имея подобного места, приучающего нас двигаться вперед, не проделывая определенный путь, мы довольствуемся тем, чем уже обладаем, и в нас побеждает неуверенность и безнадежность.

Несколько недель назад я сменила работу, и знакомство с новыми коллегами оказалось трудным. Мне не нравится, как они работают, из-за чего я отгородилась от них довольно высокой стеной. В последние дни я заметила, как шла на работу и думала, что через столько-то часов моя смена закончится. Кроме того, мне было комфортно и спокойно в таком состоянии. Уже осознав это, я, вероятно, почувствовала, что что-то не так, поскольку за всю историю моей жизни мне никогда не было достаточно жить подобным образом. Однако дальше чувства я не пошла.

Видите, мы начинаем сознавать что-то благодаря тому, как действуем в повседневной жизни. Почему тебе недостаточно жить так? Ты говоришь: «За всю историю моей жизни мне никогда не было достаточно жить подобным образом». Это полная противоположность отсутствию поиска! Твоя история не позволяет тебе не искать.

Потом случились две вещи. Во-первых, в одной жизненной ситуации проявились все мои недостатки, и я вновь задалась вопросом о том, гожусь ли я на что-то даже такой. Во-вторых, моя подруга спросила: «Что ты открываешь в отношениях с твоим молодым человеком?» Оба вопроса в некотором смысле прижали меня к стенке, так как я вдруг ощутила себя опустошенной. Не автоматически, а спустя несколько часов, я стала читать текст школы общины и осознала, что со мной произошло. Два тягостных вопроса вернули мне ту нищету, о которой говорилось в прошлый раз. Я вновь начала смотреть на мое желание и «признавать разницу потенциалов», некую нехватку. Именно это побудило меня взяться за школу общины. Результат меня поразил. Я должна была увидеться с подругой и даже не думала рассказывать ей о том, как в действительности обстоят дела, или же спрашивать ее о чем-то. Но в конце концов я пошла к ней «более нищей», ощущая в полной мере потребность встретиться с ней и выяснить, как она познает Иисуса.

Только такое место, как христианская община, может вновь и вновь пробуждать в нас желание двигаться дальше, принимать всерьез вопросы, которые ставит перед нами жизнь, и искать на них ответы. Вопросы ничуть не теряют свою значимость, поиск не утрачивает актуальность. Церковь, пробуждает в нас вопросы. Какими еще вопросами мы задавались в последний месяц?

Для меня остается неразрешенным один вопрос: как связаны общее благо и мое пребывание в школе, в семье, поход за покупками, простуда? Поначалу этот термин, казалось, отзывался во мне, но со временем он становился для меня все абстрактнее. С другой стороны, понятие «субсидиарности» представлялось мне гораздо более близким, ее черты я легко различаю в собственном опыте. На мой взгляд, оно лучше описывает динамику милосердной любви, тогда как термин «общее благо» не лишен двусмысленности. В глубине души я желаю человеческого опыта Иисуса, как описывают его слова святой мессы: «Он добровольно предал Себя». Того же самого, ни каплей меньше, я хочу и для себя. Порыв творить дела милосердия, рождающийся в моем сердце, не принадлежит мне и подталкивает меня в направлении тех, с кем я встречаюсь. Движение добра во мне происходит прежде всего перед лицом людей, находящихся рядом. А вот общее благо как некую универсальную ценность, как нечто способное породить милосердную любовь, я никак не понимаю. Мне кажется, за ним кроется определенный риск. Помоги мне разобраться, чтобы я смогла совершить шаг, о котором ты просишь.

Что такое этот порыв творить дела милосердия, подталкивающий тебя к другим людям, что такое это движение добра в тебе, если не желание общего блага? Ты действуешь ради блага, которое хочешь разделить с другим человеком, ощущаешь в себе порыв идти навстречу другому и благодаря ему понимаешь, как порыв этот становится благом для других. Тогда выражение «общее благо» перестает быть абстрактным и становится конкретной и для тебя, и для другого человека.

Я преподаю литературу в старших классах. Когда я прочитала листовки Движения и «Сообщества дел», посвященные выборам, каждое предложение показалось мне далеким от моего опыта, поскольку я сама далека от политики и не очень-то вовлекаюсь в политическую деятельность. Однако в голове у меня продолжал крутиться один вопрос: как могу я не оставаться в стороне? Каким образом уделить должное внимание столь важному событию, как выборы? Тот факт, что я должна идти голосовать, не имея никаких указаний со стороны Движения, заставил меня присмотреться к происходящему вокруг. Так, например, на встречу нашей группы Братства пришел один молодой человек из нашего города, состоящий в районном совете и живущий политикой как чем-то важным, а не второстепенным. Он рассказал, что всегда заботился о благе людей, исходя из конкретных потребностей, которые видел. В результате, он «опускался» до уборки снега, когда это требовалось, или же сам обходил все улицы района, чтобы составить список неработающих фонарей. И хотя доминирующая партия в конце концов убрала его подпись с отчета и поставила на ее место собственный штамп, наш друг не расстроился, ведь фонари в любом случае починили, и потребность жителей района была удовлетворена. Потом на одной епархиальной встрече, где присутствовала рабочая группа, занимающаяся политическими вопросами, он познакомился с людьми из разных партий, схожим образом воспринимающих политику – как служение. Он поговорил с одним, с другим, и так сложилась группа людей, вовлеченных в политику, которые встречаются раз в месяц, чтобы не работать в одиночестве. Услышав все эти рассказы, я поняла, что и сама точно так же подхожу к проблемам в школе: периодически мы собираемся с другими преподавателями на ужин, чтобы обсудить нужды, которые замечаем в отношении с учениками, коллегами, директором, чтобы рассказать друг другу о происходящем с нами, чтобы поделиться мнениями, отталкиваясь от общих интересов и потребностей. Сначала нас было мало, но потом число людей стало быстро расти, ведь на самом деле моя нужда совпадает с нуждой всех. Это мой вид «политической деятельности», которой я занимаюсь там, где нахожусь, – «политической» в этимологическом смысле.

Действительно! Таким образом ты имеешь в виду интересы *полиса*. Это ведь мы свели политику лишь к участию в предвыборной кампании...

В итоге для меня прояснился и вопрос о том, за кого голосовать: я хочу поддержать молодых людей, чье отношение к жизни вытекает из тех же предпосылок и потребностей, что движут и мной. Спасибо за работу, на которую ты меня подвигнул. Ее плоды останутся и по окончании выборов, потому что они состоят во все более глубоком осознании моего присутствия в реальности.

Вот результат работы, к которой мы друг друга призываем. То, что поначалу казалось далеким от твоего опыта, в конце концов побудило тебя не оставаться в стороне. Все, о чем ты рассказала, родилось благодаря определенному месту, приводящему тебя в движение: в школе, перед лицом конкретных потребностей твоих учеников. Точно так же тот молодой политик искал людей, которые разделяли бы его интересы и воспринимали бы политику как служение. Это не индивидуализм, это отдельные человеческие «я», с которых начинаются подобные места, подобные группы, сперва немногочисленные, но впоследствии разрастающиеся, где описанное движение не прекращается. Что пробуждается в человеке благодаря принадлежности к христианской общине?

Призыв папы сообща трудиться ради общего блага нашей страны поставил меня перед острой необходимостью говорить всем о новизне взгляда...

Не пропускайте слова мимо ушей: «У меня возникла острая необходимость». Каждого что-то привело в движение, никто не остался в тупике.

Я ощутил острую необходимость говорить всем о новизне взгляда, подаренного мне в эти годы опытом веры. Подталкиваемый этой необходимостью, я не выдержал и написал письмо в газету «Avvenire», которое, как это ни невероятно, опубликовали во вчерашнем выпуске. Прочту отрывок из него. «Давно уже утверждается мысль о том, что единственный инструмент, с помощью которого мы, граждане, можем вносить наш вклад в созидание общего блага, – это делегирование политических полномочий нами же избранным нашим представителям в местных и государственных органах, как будто на этом уровне другие формы выражения нашей личности (на работе, в семье, в свободное время и т.д.) не играют никакой роли и малозначимы. Однако такое суждение является в высшей мере неполным. Неужели мы и правда думаем, будто наш единственный вклад в общее благо исчерпывается рисованием крестика в бюллетене каждые пять лет? Я, конечно, не хочу сказать, что момент голосования для меня не важен, однако он представляет собой лишь малую толику гораздо большего вклада, который я могу по-человечески внести в общее благо моей страны. Мне даже представляются куда более важными и решающими для истории моего народа та интенсивность и устремленность к идеалу, с которыми я стараюсь переживать, мгновение за мгновением, мою работу, отношения с друзьями и в семье, общественные обязательства, свободное время и все то, чем Бог дает мне жить вместе с моими братьями». Чтобы прийти к таким выводам, я не должен был прилагать никаких усилий. Я просто последовал за желаниями, родившимися в моей сердце в виду предстоящих выборов, благодаря опыту веры, к которому я, по счастью, причастен.

Как мы видим, ваши выступления свидетельствуют, что найти не значит остановиться в поисках, а напротив, искать еще активнее. Вера не только не тормозит поиск, но и подгоняет его. Следовательно, первая помощь Церкви – в том, что она является местом, постоянно

пробуждающим в нас интерес к тому, что раньше казалось абстрактным, не имеющим отношения к общему благу.

В прошлый четверг я пошла на встречу с одним политиком, и впервые в жизни у меня возникли вопросы о политике (и не только).

«У меня возникли вопросы». Ничего не было ясно заранее!

Хочу задать их тебе. В этот исторический момент, когда все кажется таким раздробленным, в чем состоит единство христиан? Где я вижу его, в том числе и на уровне политического выбора? Что значит для тебя быть нашим отцом? Согласно какому критерию я понимаю, что кто-то действительно является моим наставником, ведет меня? После встречи я решила обсудить ее и вставшие передо мной вопросы с одним другом, которого уважаю и который разбирается в этой теме лучше меня. Я заметила, что его больше интересовало, как бы напасть на того политика (с которым, надо отметить, я тоже не во всем соглашалась), как бы защитить определенную позицию. Но прежде всего он на меня смотрел с предубеждением, поскольку я пришла на встречу, не прочитав еще статьи папы и твои, которые Движение рекомендовало нам. После нашего разговора я чувствовала себя не в своей тарелке. Хотя я была почти во всем согласна с моим другом, он не смотрел на все во мне, и я ощущала лишь его возмущение тем, что я до сих пор не сделала «вещи, которые должна была сделать» как добрая христианка и прилежный член Движения. Сразу после этого я встретила с другим моим другом и поделилась всем тем, о чем говорил мне первый. Он же просто сказал мне: «Как замечательно, что у тебя возникли такие вопросы, ведь они не самоочевидны». Меня это поразило, поскольку он не смотрел на непоследовательность моих действий или на мою неверность в отношении собственных вопросов, он увидел меня в свете моей подлинной нужды, необходимости понять, заставлявшей меня спрашивать. Вот почему, вернувшись в библиотеку, я первым делом прочла все статьи, которые «мы должны были прочесть», – не из чувства нравственного долга, а чтобы открыть для себя что-то новое в связи с моими вопросами. Я замечаю, как даже между нами мы можем либо смотреть друг на друга зашоренным взглядом, желая убедить других в чем-то, либо учитывать наши настоящие вопросы, которые порой мы сами предаем или прячем, и помогать друг другу искать ответы. По-моему, второй подход – единственно представляющий интерес, в том числе и в разговоре о политике, потому что как смогу я смотреть на людей, голосующих отлично от меня, если не в свете вопросов, которые являются общими для всех нас и о которых, следовательно, мы можем действительно вести диалог? Наконец, еще в одной беседе мы осуждали выборы, и многие утверждали, что нужно говорить, в том числе и публично, за кого голосовать (по разным причинам, которые я не стану повторять). Когда я слушала все это, мне, человеку далекому от политики и в ней не разбирающемуся, стало не по себе. Если подумать о недавнем времени, о пути, который я проделала (не в одиночестве), чтобы попытаться понять, да даже просто о возникших у меня вопросах (о выборах, о самой себе, о том, как я ставлю себя в мире и перед моими друзьями), то моим высшим устремлением уж никак не может быть ситуация, в которой кто-то сверху указывает мне, за кого голосовать. И не потому, что я большой специалист в политике, не потому, что не нужно сравнивать мнения, не потому, что каждый должен заниматься своими делами, не потому что нет одной-единственной истины, которой все мы желаем достичь, а потому, что, если эта истина не становится моей, то я не могу по-настоящему жить ей, она была бы чужаком в моем доме. Если бы что-то не подтолкнуло меня действовать лично, я бы никогда не узнала все это о себе! Я хочу проделывать путь, к которому призываете нас ты и папа, поскольку хочу все больше узнавать, кто я.

«Если эта истина не становится моей, то я не могу по-настоящему жить ей». Каждый из нас в этот период смог проверить веру в той мере, к какой отвечал на вызовы, прислушивался к тому, что мы советовали. Какая польза в принадлежности к Церкви? Разумно ли находиться здесь в столь поздний час? Разумно, но только в том случае, если это место помогает нам не прекращать поиски и постоянно пробуждает в нас желание принимать всерьез наши вопросы и идти по пути, на котором мы становимся главными героями жизни. Именно так подтверждается истинность догматов, сознания, приобретенного Церковью с течением времени.

Наша работа на этом не заканчивается. Сегодня мы в свете конкретных обстоятельств (выборов, школы, разных жизненных ситуаций), увидели, что верить по-человечески целесообразно, что это позволяет совершать по-настоящему человеческий путь. Каждый теперь может решить, принадлежать ли к этому месту или делать то, что его душе угодно, но мы уже не в состоянии утверждать, будто в книге говорится о чем-то абстрактном, не имеющем отношения к жизни. Всем нам поначалу глава казалась абстрактной, но потом нам стало понятно, насколько она связана с жизнью, и это говорит о новизне того, с чем мы встретились.

Следующая школа общины для тех, кто желает и дальше идти по нашему пути, состоится в среду, 21 марта. Мы продолжим работать над книгой «Зачем Церковь». Прочитаем пункт «Сообщение божественной реальности» до подпункта о таинствах.

Пасхальный плакат говорит о причине, движущей всем нашим существом. Прочитаю цитату отца Джуссани, которая сопровождает репродукцию картины Эжена Бурнана, изображающую двух учеников, бегущих к пустому Гробу в утро Воскресения: «С того дня, как Петр и Иоанн побежали к пустому Гробу, а затем увидели Его воскресшим и живым посреди них, все способно измениться [даже полное равнодушие к вещам, которое, как мы видим распространяется все шире]. С тех пор и навеки человек может меняться, может жить, может оживать. Присутствие Иисуса из Назарета подобно лимфе, которая изнутри – таинственно, но верно – оживляет нашу убогость и делает невозможное возможным: то, что невозможно нам, не невозможно Богу. Так для тех, у кого взор и сердце искренни, едва намеченная новая человечность становится видимой в компании людей, признающих Его присутствие, Бога-с-нами. Едва намеченная человечность, новая, как безрадостная и иссушенная природа, вновь покрывающаяся зеленью».

Книга месяца в марте: Пол Глинн. Мир для Нагасаки. Врач, исцелявший сердца. Она рассказывает удивительную историю японского врача, который обрел веру и в момент уничтожения и смятения в Нагасаки стал, благодаря принятому им христианству, как бы отправной точкой возрождения и нового начала для своей страны. Мы выбрали это произведение после того, как папа Франциск обратил всеобщее внимание на одну фотографию, сделанную американским фотографом после атомной бомбардировки Нагасаки. На ней мальчик ждет своей очереди к крематорию, в который он несет на плечах мертвого братика. Этот образ – предупреждение о «третьей мировой войне, разворачивающейся по частям» и сотрясающей наш мир.

В конце февраля выйдет в свет новое издание книги отца Джуссани «Реальность и молодость. Вызов», подготовленное в издательстве «Rizzoli». В ней собраны некоторые беседы отца Джуссани с молодежью. Предугадывая то, что теперь широко распространено, отец Джуссани давно осознал, что весь воспитательный и общественный контекст был направлен на подавление потребностей молодых людей в истине, красоте, справедливости и счастье. Имейте в виду, что в преддверии Синода епископов, посвященного проблемам молодежи, который пройдет в октябре, можно организовывать публичные презентации книги. Эта тема широко обсуждается в церковной среде и в обществе в целом. Читать или перечитывать книгу Джуссани полезно прежде всего для нас: в ней огромное количество актуальных мыслей, которыми мы можем

делиться с другими, ведь многих сейчас волнует проблема молодежи, а текст в состоянии помочь нам найти ответы на возникающие у нас вопросы

В ближайшее время в Италии и за рубежом служатся святы́е мессы в воспоминание годовщины признания Братства Святым Престолом и годовщины смерти отца Джуссани, которого мы просим помочь нам быть верными, несмотря на все наши недостатки, тому пути, который он проложил для нас. Вряд ли мы услышали бы сегодня вечером все это, если бы не принадлежали к месту, появившемуся по благодати, дарованной отцу Джуссани, которой мы продолжаем быть верными.

Пусть время Великого Поста, предлагаемое нам Церковью, станет вызовом и побудит нас открыть, что в действительности является существенно важным для нашей жизни

Veni Sancte Spiritus...